

УДК 811.11137

Калякина А.В.
(Москва, Россия)

ОСОБЕННОСТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ

Стаття присвячена питанням художнього КОЛЕКЦІОНУВАННЯ в Росії. Особлива увага приділяється розгляду цільових установок, до яких прагнуть збирачі, з'ясовується вплив на формовані колекції освітнього рівня власника, розглядаються джерела формування колекцій та їх подальша доля.

Ключові слова: музеї, художні колекції, меценатство.

Статья посвящена вопросам художественного КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ в России. Особенное внимание уделяется рассмотрению целевых установок, поставленных собирателями, выясняется влияние на формируемые коллекции образовательного уровня владельца, рассматриваются источники формирования коллекций и их последующая судьба.

Ключевые слова: музеи, художественные коллекции, меценатство.

This article is devoted to an interesting period in the history of Russian fine arts collections. The author depicts the process of foundation of the famous collections of the fine art and Russian artifacts. The author investigates aims and conditions of the process.

Key words: museum, fine arts collections, maecenas.

В конце XIX – начале XX столетия многие представители состоятельных сословий России были охвачены лихорадкой художественного коллекционирования. Интерес к собирательству объяснялся не только тем, что в России, наконец, появились люди, имеющие лишние средства и получившие достаточное образование, позволявшее им собирать предметы искусства, но и тем, что в пореформенное время в обществе сформировался устойчивый интерес к художественной культуре России и Европы, значительно расширился круг лиц «заинтересованных прекрасным». Художественная ценность коллекций, их характер, источники формирования, а также конечная цель собирательства значительно разнились, но в целом это было характерное явление для порубежного периода в жизни русского общества. Изучение данного явления позволит расширить представления о духовной жизни России в конце XIX начале XX вв. Источниковой базы данного исследования стали воспоминания Ю.А. Бахрушина, княгини М. К. Тенишевой, П.И. Щукина. Данное исследование предполагает выяснить сословные предпочтения в художественном коллекционировании, проследить источники пополнения коллекций, выявить цели коллекционирования и судьбу художественных собраний.

Начнем с личности, тех, кто посвятил свой досуг собирательству. Они принадлежали к различным слоям русского общества, ни одно сословие, кроме, пожалуй, крестьянского, наиболее приниженного и редко имеющего достаточный для этой деятельности уровень образования, не уберечьлось от азарта коллекционирования. Среди собирателей встречались чиновники, уже ушедшие на покой или еще состоящие на службе. Были здесь присяжные поверенные и представители цензурного ведомства, помощники прокурора и простые письмоводители. Так одним из самых известных коллекционеров Москвы второй половины XIX в. стал М.М. Зайцевский, начавший свою службу простым капельдинером в Большом театре.

Большой отряд коллекционеров составляли ученые, занимающиеся историческими исследованиями. Среди них хранитель Оружейной палаты Т.К. Трутовский, ученый археолог В.И. Сизов, коллекционированием увлекались Забелин, Пыляев. В особую группу можно объединить людей, занимавшихся творчеством и воспринимавших собирательство как часть профессиональной деятельности: художников Верещагина, Маковского, Коровина, театральных режиссеров и артистов императорских театров. Особенно много коллекционеров было среди купечества, в их среде утвердилась мода на коллекционирование. Художественным собирательством занимались целые купеческие кланы. Среди наиболее известных семьи Морозовых, Бахрушиных, Третьяковых, Щукиных.

Не отставали от других сословий и дворяне. Для них коллекционирование, редко становилось данью моде. Зачастую дворяне росли и пребывали в окружении старинных художественных предметов, бывших предметной средой доставшейся им от предков. К коллекционированию их побуждал профессиональный интерес, как писателя Е.Н. Опочинина, автора исторических романов или возможность выразить свои художественные вкусы как князя Голицына или гастрономические пристрастия как князя Лобанова. Но к какому бы сословию, ни принадлежали коллекционеры, они были едины в своем увлечении художественным собирательством.

Каждый из собирателей по-разному пускался в этот увлекательный путь. Для кого-то поводом становилась профессиональная деятельность. Хранитель Оружейной палаты В.К. Трутовский был не только большим практиком, но и теоретиком, «увлекался какой-нибудь научной темой, что-то собирал, то экслибрисы, то материалы по своей усадьбе». [1.84] Коллега Трутовского археолог В.И. Сизов собирал русские древности, найденные в результате раскопок, проводимых в Смоленской губернии. Эта коллекция позволила ученому сделать выводы о географии торговых связей Древней Руси. Вместе с тем увлеченность его собирательством была столь велика, что стремясь к максимальной полноте своей коллекции, он не останавливался порой перед присвоением чужих артефактов, о чем упоминает в своих записках княгиня Тенишева. Сама княгиня увлеклась собирательством, выйдя замуж за очень богатого промышленника. Борясь со скукой провинциальной жизни, увлекая пением и живописью, имея большие средства, она в полной мере отдалась коллекционированию. Для писателя Опочинина, печатавшегося в «Московском листе», толчком к собирательству стала необходимость «практического», материального знания прошедших эпох. Он обладал потрясающей эрудицией, приобретенной в результате коллекционирования. Если в его руки попадала какая-либо старинная вещь, он не успокаивался, пока не узнавал о ней абсолютно все. Полученные сведения использовал при написании романов. Но гораздо чаще поводом к собирательству становились какие-

то случайные события: распродажа старых театральных костюмов в Большом театре, появление в лавках антикваров такой коллекции или банальный спор представителей золотой молодежи, о том сможет ли спорящий в месяц собрать коллекцию равную коллекции своего приятеля.

Художественная ценность коллекций была не одинакова. Во многом это зависело от цели, которую преследовал владелец собрания, от уровня его образования, широты взглядов, материальных возможностей, а также чутья, которое позволяло найти что-то абсолютно новое. Для большинства московских обывателей и чиновников собирательство носило характер увлечения, страсти, а порой и мании. Часто цель была чрезвычайно прозаична – найти редкость и купить её как можно дешевле. Это была категория людей, охотившихся за раритетами, для них не существовало общественно значимой цели, собирательство для них было просто привычкой.

В эту категорию можно включить и тех собирателей, для кого важна была даже не сама вещь, а процесс её нахождения, охота за ней. Они были готовы предпринимать сложные путешествия, заводить самые невероятные знакомства ради получения какого-либо сногшибательного раритета для своей коллекции. Иногда они отправлялись в экспедиции по русской провинции, посещали умирающие дворянские усадьбы, стремясь купить «на рубль пятаков». Среди них не редки были примеры «скупох рыцарей», тщательно скрывавших свои сокровища не только от посторонних, но и от родных. Московский собиратель М.М. Зайцевский, хранил свои коллекции в отдельном флигеле, ключи от которого всегда носил собой, о содержании коллекции его семья узнала лишь после его смерти. Были и противоположные примеры. По всей России были рассеяны люди, которые почитали себя «выучениками по собирательству», писателя Опочинина. Он щедро делился не только своими знаниями, но предметами из своей коллекции, часто совершенно безвозмездно.

Коллекции таких собирателей, а среди них большинство составляли чиновники и антиквары-старьевщики, почти всегда отличались чрезвычайным разнообразием, но редко полнотой. В таких коллекциях можно было встретить книги, живопись, миниатюры, мебель. Иногда, если собиратель концентрировался на чем-то одном, ему удавалось сформировать нечто выдающееся, как, например, уникальное собрание старопечатных книг Мазурина, но подобное случалось не часто.

Большим разнообразием отличались целевые установки собирателей из среды купечества. Кто-то приобретал портреты актёров и красивые афишки для того, чтобы бахвалиться перед приятелями, а кто-то, собирая, скажем, коллекцию акварелей, ставил перед собой цель проследить развитие акварельного искусства, начиная с европейских школ и заканчивая российской, как самой молодой. [2.156] Порой целью коллекционирования было тщеславное желание заявить о себе, прослыть тонким ценителем искусств или меценатом. Купчиха Е.П.Носова собирала «старинные силуэты и портреты русских мастеров XVIII в., но не ради их изучения и сохранения, а просто так – надо же что-нибудь собирать, чтобы не отстать от других, раз на коллекционирование мода. И здесь она ухитрялась рекламировать себя – репродукции силуэтов из её собрания появлялись даже в специальных зарубежных изданиях». [1.525] Многие собиратели рассматривала свое увлечение как способ выгодного вкладывания денег, да и коллекции у них были чрезвычайно необычные, коллекционировали не только картины, но и автомобили или орхидеи.

Московский купец В.П. Берг так определял свое понимание собирательства «каждый коллекционирует то, что его интересует. Бахрушин – театральную старину, Морозов – картинки, его двоюродный братец – гравюры, а я коллекционирую камешки. Вещи портативные и благодарные – хлеба не просят и всегда в цене будут».[1.526] Он коллекционировал драгоценные камни, везде возил с собою чемоданчик, где лежали мешочки с бриллиантами различного веса. Практичность и деловая хватка купечества давала себя знать и в таком тонком деле как художественное собирательство. Большинство коллекций возникали под влиянием моды, рассматривались как возможность выгодно вложить деньги и прослыть знатоком искусств, таким образом ступшевывать, покрыть «приятной дымкой прозаического суконщика или кожевенника». [2.265]

Цели формирования дворянских коллекций, также отличались разнообразием, да и сами коллекции имели более длинную историю нежели купеческие или мещанские. Традиция дворянского коллекционирования восходит к XVIII столетию, когда в подражании высочайшим особам русские аристократы начали собирать итальянскую и голландскую живопись, саксонский фарфор, китайские вазы. Во многих аристократических домах бытовая обстановка представляла собой собрание раритетов. Если для купечества и мещанства рубеж XIX и XX столетий стал начальным этапом в формировании коллекций, для дворянства это был период специализации, расширения коллекционерских интересов.

Отстаивая право своего сословия на особое место в русском обществе, дворянские коллекционеры усматривали главную цель своей деятельности в просвещении народа, сохранении национальных традиций, пробуждении интереса к отечественной истории и искусству. Поэтому часть коллекций делалась доступной широкой публике, на их базе устраивались выставки или организовывались музеи. Княгиня Тенишева видела цель своей собирательской деятельности в том, что приобретает произведения молодых русских художников, а затем выставляя эти работы, она выдвигает молодых талантливых художников, привлекает внимание к их творчеству. Участвуя в организации первой выставки импрессионистов в Петербурге, она стремилась к развитию художественного вкуса общества; приобретает акварели современных русских художников, разместила их в современном художественном журнале «Мир искусства», а затем безвозмездно передала в Музей Александра III. Истинное меценатство – вот главная цель подобных Тенишевой дворянских коллекционеров.

Ценность художественных коллекций определяется не столько разнообразием представленных в ней предметов, сколько полнотой освещения избранной тематики. Достигнуть полноты собрания состоятельным коллекционерам помогали и самообразование, и мнение экспертов. Необходимые знания приходили далеко не сразу, первоначальное их отсутствие заставляло жалеть об утраченных возможностях. А.П. Бахрушин часто с горечью вспоминал, как в начале своего собирательства отказался купить театральные эскизы, предложенные ему М. Врубелем, «я в то время дурак был, такие вещи не покупал, да и разбирался в них как свинья в апельсинах».[1.168] Со временем увлеченный коллекционер вырабатывал и вкус и понимание. Образовательная база, действительно у всех коллекционеров была разная, большинство собирателей купцов заканчивали коммерческие школы или училища, дворяне, как правило, имели образование гимназическое и университетское. Но всех их объединяло непрерывное самообразование, которым они занимались на протяжении всей жизни. Представители русского купечества не усту-

пали дворянам в стремлении расширить свой кругозор. С.Т. Морозов учился в Кембридже, П.И. Щукин слушал лекции по физике в Берлинском университете и не пропустил ни одного музея во время своих путешествий по Европе: в Тулоне он осматривал Морской арсенал и ботанический сад, в Авиньоне смотрел дворец пап, в Арле и Ниме римские амфитеатры. М.К. Тенишева не оставляла занятий искусством ни в Европе, ни в России: в Париже она профессионально занималась вокальным искусством и брала уроки у французского художника Жильбера; в усадьбе Талашкино под Смоленском, она зачитывалась книгами по искусству и отечественной истории.

Большое значение имела среда, в которой вращались коллекционеры. Родственные связи и дворянства, и купечества отличались разнообразием и пользой в деле художественного собирательства. Среди родственников П.И. Щукина были известные медики – Боткины, тетка Павла Ивановича была замужем за А.А.Фетом. Дядя создателя театрального музея А.П.Бахрушин, состоял в дружеских отношениях с историками Забелиным, Ефремовым, Пыляевым, которые по вечерам собирались в его доме. «Отец, - вспоминал сын коллекционера, - внимательно слушал разговоры и понимал, что в этом новом обществе, обаяние и веселье не достаточны, нужны знания, что он купеческий неуч. Он жадно набросился на книги. Коллекционерские интересы лиц, бывавших у Алексея Петровича, передались и ему». [1.148-149] Среди людей близких М.К.Тенишевой были такие известные деятели русской культуры как И.Е.Репин, В.А.Серов, С.Дягилев.

Вместе с тем, нельзя не признать, что многие коллекционеры, особенно из купеческой среды, мало понимали в искусстве и формировали свои собрания по принципу, что старо, то и ценно. Они во всем полагались на мнения «экспертов» из бывших актеров или музыкантов, возили их с собой в поездках по антикварным лавкам. Нельзя в связи с этим не отметить важность эксперта в деле коллекционирования для большинства собирателей. Для купцов в роли эксперта зачастую выступали их либо более искушенные в собирательстве родственники, либо специалисты, с которыми они сблизились на почве своего увлечения искусством. Признанным экспертом по русскому искусству среди купечества считался наделенный утонченным чувством прекрасного С.А. Бахрушин. Его небольшая коллекция русской живописи, состоящая из истинных раритетов, потрясла своей изысканностью хранителей Третьяковского Галереи. Без мнения этого эксперта не решались сделать новые приобретения многие московские коллекционеры.

Экспертом княгини Тенишевой стал молодой художник А.Бенуа, в обязанности которого входило подбирать для неё произведения западноевропейского искусства на аукционах и в антикварных магазинах Парижа и Амстердама. Другим экспертом, дававшим ей советы по приобретению предметов древнерусского искусства, был историк и археолог Сизов, разработавший целую программу, реализация которой придала коллекции полноту и единство.

Но менее важным в коллекционировании, чем советы знающего специалиста, было и наличие художественного чутья и у самого собирателя. Это качество позволяло безошибочно определить, а точнее почувствовать истинный шедевр и купить его не торгуясь. Так С.А.Бахрушин утверждал, что «собирал только те вещи, в которые художник вкладывал свое «я», «душу». Если это «я» начинает мне говорить, то значит вещь хорошая и её надо брать. Неважно кто был художник – придворный или крепостной, все равно в них сущность одна и душа в них одна – человеческая. Вот почему и картина Кипренского

говорит мне не громче, а чаще даже тише, чем какая-нибудь поповская чашка, которую делал и расписывал какой-нибудь крестьянин».[1.96-97] Особенно ценным было наличие подобного чутья при приобретении произведений современного искусства, которое не привлекало внимания большинства собирателей именно в силу своей новизны и необычности. Чтобы увидеть в картинах современных художников, будущие общепризнанные шедевры надо было обладать широким кругозором, тонким художественным вкусом. Княгиня М.К.Тенишева, в угоду своей дворянской спеси, утверждала, что понять новое искусство могли лишь ценители из дворян, с нескрываемой гордостью упоминая о полученном названии «мать декадентства», за то, что именно она впервые выставила в Петербурге Бенара. С этим утверждением не позволяет согласиться тот факт, что две, не имеющие себе равных ни в России, ни в Европе коллекции картин французских импрессионистов были собраны московскими купцами И.А.Морозовым и С.И.Щукиным. Во время обучения в университет Гейдельберга, Морозов много времени посвящал занятиям живописью. Он любил повторять: «чтобы стать художником надо много работать, иначе ничего не выйдет, толк будет только тогда, когда на всё в жизни будешь смотреть глазами художника».[1.281-282] Этот художественный подход, знания живописной техники, стилей, представления о развитии европейской живописи позволили ему собрать коллекцию мирового значения. «Когда пылливый турист в Париже выражал неудовольствие, что в галереях столицы мира так плохо представлены французские импрессионисты, то ему отвечали, что лучшие работы этих художников находятся в Москве у Щукина и Морозова».[1.282] Очевидно, что полнота коллекции, её новизна зависела ряда обстоятельств: уровня образования и стремления к самообразованию, интересов окружения собирателя, чутья на истинные произведения искусства. Можно утверждать, что создание полной, представительной, всеобъемлющей коллекции не являлось прерогативой только лишь дворянского сословия.

Вопрос что собирать был чрезвычайно важен и для начинающего и опытного коллекционера. На первом месте стояло увлечение русской стариной. Под этим понимались произведения живописи, графики, декоративно-прикладного искусства начала XIX в. и предыдущих столетий. Высоко ценились серебро, миниатюры, фарфоровые статуэтки, бисерные вещицы, старинный хрусталь, табакерки, ювелирные украшения. Но коллекционирование подобных предметов было достаточно распространенным и некоторым казалось скучным. У большинства коллекционеров имелись собрания книг, русских старопечатных или французских художественных изданий XVII-XVIII веков.

Большинство молодых коллекционеров редко сразу определялись с темой своей будущей коллекции. Очень часто они начинали с экзотики – предметов восточного искусства. У иранских купцов, чаще всего на Нижегородской ярмарке приобретались ковры, изделия из металла, светильники, оружие и кольчуги, восточное стекло. Порой попадались редкие, ценные вещи: П.И.Щукин вспоминал, что по случаю, купил небольшую персидскую занавеску, вышитую шелками, серебром и золотом, XVII в., из дворца Нухинского хана. К экзотическим предметам относились китайский фарфор, расписные ширмы, занавеси, украшенные ручной вышивкой. На Всемирных выставках покупали предметы японского искусства.

В конце столетия, когда просвещенное общество увлеклось русской этнографией, начали формироваться строго этнографические или археолого-этнографические коллек-

ции. Такая коллекция была у Тенишевой. Как и многие коллекционеры Мария Клавдиевна вначале приобретала западную старину, в которой, по её словам «она больше смыслила». Но затем её пристрастия изменились, она отдалась коллекционированию русской старины, которой до того предавалась только урывками, «так как любила её без особых знаний и понимания. С годами русские древности все больше манили меня. Я вдруг почувствовала, что все это свое родное. За границей все воспето, все изучено, нам же русским поучиться негде и не на чем».[2.179] Подобная метаморфоза происходила и с другими коллекционерами. Так П.И.Щукин, начал свою коллекцию с восточной экзотики, а затем создал один из первых русских историко-этнографических музеев.

Часто определившись с главной темой коллекции, собиратели позволяли себе и дополнительные направления. Бахрушин, собиравший коллекцию по истории русского театра, кроме того имел массу вещей по истории развития театра во многих европейских странах, особенно во Франции. Морозов, наряду с импрессионистами собирал картины «мирискусников», как он говорил «для себя». Подобное многоплановое коллекционирование, в силу его чрезвычайно затратности могли себе позволить лишь финансово обеспеченные собиратели.

Интерес представляли коллекции русских аристократов. Зачастую они включали в себя семейные и государственные реликвии: автографы монархов, многовековые семейные архивы, художественные вещи. Небольшим, но чрезвычайно ценным художественным собранием, указывавшим на его вкус и знания, располагал князь М.А.Голицын. Это собрание было известно всей Москве под названием Голицынский музей, бесплатно посетив который можно было насладиться зрелищем работ мастеров Высокого Возрождения. Уникальным собранием редких автографов и старинных вин обладал сказочно богатый русский аристократ Дашков. В его винотеке имелось несколько бутылок рома, принадлежавших еще императору Петру III.

У каждого коллекционера сложилась своя система поиска и покупки предметов старины. Предметы покупались и в России и за границей. Ограниченные в средствах коллекционеры довольствовались московскими развалами или Нижегородской ярмаркой, люди более обеспеченные приобретали вещи в Париже, Неаполе, Амстердаме или Венеции. Коллекционеры были завсегдатаями лавок старьевщиков и мастерских художников. Иногда для того, чтобы иметь возможность приобретать самые современные произведения искусства, они устанавливали дружеские связи с русскими и иностранными живописцами, скульпторами, прикладниками.

Вместе с тем приемы покупки вещей у каждого коллекционера были сугубо индивидуальными. Собиратель театральных редкостей Бахрушин, страдавший близорукостью, обычно отправлялся по антикварным лавкам вместе с сыном, который, выискивал необходимые для коллекции вещи и указывал на них отцу, не привлекая внимание продавца. Бахрушин начинал торговать совсем не нужную ему вещь и не сойдясь в цене с продавцом перед уходом, как бы в компенсацию за отнятое время приобретал действительно нужную ему вещь по совсем низкой цене. Известный московский старьевщик-коллекционер М.М. Зайцевский два раза в неделю объезжал всех торговцев и все городские рынки. Сначала выбирал приглянувшийся товар, а затем возвращался и начинал торговать вещь, стремясь снизить цену. Продавцы знали его слабость: понравившуюся вещь он обязательно покупал, несмотря на цену. Стремление купить вещь по дешевле заставляло

некоторых библиофилов во время просмотра редких книг потихоньку вырывать из них листы, чтобы книгу обесценить, а иногда и воровать понравившуюся книгу. Делали это люди далеко не бедные, столь сильна была страсть коллекционирования.

Самобытный способ для пополнения своей коллекции автографов придумал граф Дашков, он платил камер-лакеям министров, великих князей и даже царя. За это они ежедневно доставляли Дашкову содержание корзин для ненужных бумаг, стоявших под письменными столами их хозяев. Среди коллекционеров ходили слухи, что именно таким путем в его руки попал протокол о необходимости введения в России конституции, подписанный Александром III.

Хотелось бы отметить одну особенность, встречающуюся при оплате услуг посредников, экспертов или продавцов, которой отличались друг от друга купцы и дворяне. Первые, как правило, стремились максимально сэкономить, а порой и надуть продававшего, если он не очень хорошо представлял стоимость продаваемой вещи. Вторые редко скупались, переплачивали, считая, что мелочность ниже их аристократического достоинства. Показателен подход при приобретении художественных произведений Третьякова и Тенишевой. Третьяков, раз назвав цену за понравившуюся ему картину никогда от неё не отступал, а если вещь его не устраивала мог от нее и отказаться. Тенишевой неоднократно приходилось переплачивать за совсем ненужную или не нравившуюся ей скульптуру или рисунок, только потому, что она стремилась оказать поддержку молодому, нуждающемуся скульптору или живописцу и заранее обещала эту работу купить.

Рано или поздно перед каждым коллекционером вставал вопрос, что будет с собранием после его смерти. Вопрос этот каждый пытался разрешить по-своему, но стремление было одно – сохранить целостность коллекции и имя собирателя. Кто-то, чтобы «пристроить» коллекцию стремился привлечь внимание власть имущих, устраивал выставки или участвовал в вернисажах. Кто-то передавал коллекцию в Исторический музей, но там, из-за нехватки сотрудников и места в экспозиции коллекции долго лежали неразобранные, а позже их передавали в другие отделы или музеи. Иногда бывало и хуже. Так известная всем московским любителям прекрасного богатейшая и разнообразнейшая коллекция помещика Власова, после его смерти была продана с аукциона и разыграна в лотерею. Иногда коллекции книг или исторических документов попадали в архивы или библиотеки, но и там они чаще всего теряли свою целостность и законченность.

Наиболее крупные коллекции иногда удавалось передать в дар городским учреждениям. Но это случалось далеко не всегда. Когда А.П. Бахрушин как гласный Московской думы предложил подарить своей театральной музей Городскому самоуправлению, ему отказали, «ответив, что не знают, что делать с третьяковским и солдатенковским собранием. Попробовал сунуться еще куда-то, всюду ответ был один – отказать. Отец, - вспоминал сын коллекционера, - был в отчаянии – огромное собрание, предлагаемое бесплатно государственным учреждениям, оказывалось никому не нужным».[1.561] Лишь благодаря личным связям в государственных кругах Бахрушину удалось передать свой музей Академии наук, что спасло уникальную коллекцию от раздробления.

Опасения за судьбу коллекций возникали по ряду причин. Не всегда родные собирателя разделяли его увлечения. В купеческой среде подобное времяпрепровождение поддержки не встречало, на него смотрели как на блажь богатого самодура, да и среди дворянства не всегда страсть к старине встречала понимание. Князь Тенишев, муж

собирательницы, не любил искусства, с презрением относился к художникам, видел в них «нечто вроде заморского зверья», коллекционирование считал забавой, не делающей никому вреда, но и не приносящей пользы. Имелась и еще одна причина для тревог, опасность утраты финансовой стабильности, которая вела к продаже коллекции, невозможности её должного содержания. Неудивительно, что коллекционер постоянно был озабочен тем, чтобы не упустить ценной вещи, способной украсить его собрание, и тем, чтобы устроить судьбу своего детища.

Рассмотрев отдельные вопросы художественного коллекционирования в России на рубеже XIX – XX веков следует подвести некоторые итоги. Заняв важное место в жизни русского общества, это явление приобрело ряд особенностей.

Первой особенностью можно назвать всеобщий характер этого увлечения. В предыдущих столетиях, коллекционированием занималась в основном русская аристократия, собирая художественные сокровища или исторические реликвии. В рассматриваемый период коллекционирование получило распространение среди других сословий и групп русского общества: чиновничества, купечества, мещан. Это свидетельствовало о развитии интеллектуальных и духовных запросов общества, распространении образования. Общество рассматривает коллекционирование не только как способ вложения денег или проявление тщеславия, но и как возможность самовыражения, удовлетворения своих духовных интересов.

Наибольшего успеха достигали те, кто избирал для себя конкретную тему (одну или две), конкретную область, совершенствовал свои знания, общался со специалистами, занимался самообразованием, целенаправленно формировал свое собрание. Отсюда вытекает и вторая особенность рассматриваемого явления. Преследуя разные цели и имея различные возможности пополнения своих собраний, коллекционеры постепенно приходили к мысли о том, что их деятельность способна оказать заметное влияние на культурную жизнь общества в целом. Отсюда желание выставить предметы из своих собраний, сделать их доступными для обозрения, открыть музейные или выставочные экспозиции, передать собранное государственным или общественным структурам.

Большинство коллекций отличали не только небольшие размеры, но и предметная и тематическая пестрота, делавшая их фрагментарными. Вместе с тем в рассматриваемый период сложилось несколько собраний национального и даже международного уровня. Это третья особенность процесса коллекционирования на рубеже столетий. К концу XIX века в России сформировалось несколько частных собраний, где полноценно были представлены русская национальная школа живописи, история русского театра, современная французская живопись, русские древности. Эти коллекции повышали культурный статус России, создавали предметную базу исследований профильных наук, способствовали развитию музейного дела. Важно то, что эти коллекции формировались не только и не столько дворянами. Главными их творцами были просвещенные русские купцы. Многие из них рассматривали свою коммерческую деятельность лишь как способ добывания денег, для главной задачи их жизни – коллекционирования.

Несмотря на различие в уровне художественной ценности, полноты и длительности своего существования частные коллекции повлияли на развитие культуры русского общества, способствовали развитию художественного вкуса, привлекали интерес к новым направлениям в искусстве, способствовали развитию музейного дела. А самое главное это позволяло людям обретать себя, находить свое истинное призвание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин Ю.А. Воспоминания. – М., 1994.- 640 с.
2. Тенишева М.К. Впечатления моей жизни. – Л., 1991.- 302 с.
3. Щукин П.И. Воспоминания. Из истории меценатства в России. – М., 1997.- 320с.

УДК 37.047(477)

Морська Л.М.
(Хмельницький, Україна)

СОЦІАЛЬНА ДЕТЕРМІНАЦІЯ МОВИ І МОВЛЕННЄВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ

Стаття присвячена проблемі соціальної детермінації мови та особистості – учасника процесу мовної комунікації. Автор досліджує загальні та специфічні фактори, що детермінують особистість, та критерії формування мовної особистості, головним з яких є здатність репрезентувати себе через мовлення.

Ключові слова: соціологія, взаємодія, поведінка, суспільство, особистість, мова, визначення.

Статья посвящена проблеме детерминации языка и личности – участника процесса коммуникации. Автор исследует общие и специфические факторы, детерминирующие личность и критерии формирования коммуникативной личности, главным из которых является репрезентация себя посредством языка.

Ключевые слова: социология, взаимодействие, поведение, общество, личность, язык, определение.

The article is devoted to the problem of social determination of language and personality – partner of the process of communication. The author studies common and specific factors which determine personality and criteria of formation communicative personality, the major of which is to represent oneself through language.

Key words: sociology, interaction, behavior, society, personality, language, determination.

Формування мовної особистості передбачає розвиток мовленнєвого спілкування у двох напрямках: мовленнєвої діяльності й мовленнєвої поведінки. Оскільки результатом мовленнєвої діяльності є текст (усний і писемний), а результатом мовленнєвої поведінки – стосунки між людьми, емоції, викликані мовленнєвою поведінкою комунікантів, то завдання викладача полягає у формуванні комунікативної компетентності, що містить знання мовної системи, оволодіння мовленням, обов'язкове дотримання соціальних норм мовленнєвого спілкування, правил мовленнєвої поведінки.

Соціологія особистості дає можливість виявити механізми соціальної детермінації мовленнєвої поведінки на основі факторів соціальної взаємодії, що спостерігається реально. Проблема детермінації мови може розглядатися на декількох взаємозалежних

© Морська Л.М., 2011